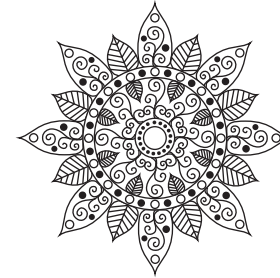

Мы встречаем свою судьбу на пути, который
избираем, чтобы уйти от нее.

Ж. Лафонтен

ГЛАВА 1

О чем должна думать приличная девушка во время своего бракосочетания? Я думала... о будущем разводе.

Бабушка говорила, что первый муж нужен для опыта, а второй — для души.

Признаться честно, опытный образец мне попался не самой первой свежести. Вы только полюбуйтесь: спустя каких-то полчаса в загсе воротничок рубашки уже смялся, лицо покраснело, лысина задиристо блестела под ярким светом хрустальных люстр.

И все же Алеша был еще красив — немного поистрепался с годами, растеряв шевелюру и четкость линий, но сохранил добродушный нрав, синеву лукавых глаз и игривый настрой. Он был веселым и щедрым, любил вкусно поесть и долго поспать, а бабушка говорила, что люди с хорошим аппетитом редко держат камень за пазухой.

Я была его четвертой женой, он — моим первым мужем. Алеша уже перешагнул за полтинник, я недоверчиво и недовольно приглядывалась к маячившему впереди тридцатилетнему рубежу. Он любил шумные вечеринки и большие семейные сборища, я предпочитала тишину и одиночество.

Наш будущий брак был обречен.

Ну и что? Не будешь же спорить с судьбой из-за таких мелочей: подумаешь, муж немного старый и чуточку лысый. Подумаешь, очень легкомысленный.

У каждого, как известно, свои недостатки.

Карты высказались ясно: эта свадьба перевернет мою жизнь. Три великих аркана подряд: Колесо фортуны, Дьявол и Страшный суд.

Необратимые перемены, которые принесут с собой порочную страсть на грани с зависимостью, воздаяние, освобождение; перемены, после которых я стану совсем другим человеком. Лучше, сильнее, мудрее. Вероятно. Или хуже, хитрее, злее. Кто знает.

По мне, так авантюра весьма сомнительная, но бабушка сказала бы: под лежачий камень вода не течет. А я не любила огорчать бабушку.

И под монотонно-торжественный голос сотрудницы загса я все повторяла про себя как заклинание: Колесо фортуны, Дьявол, Страшный суд.

Гремучий коктейль, обещающий встряхнуть мою жизнь до основания.

— Согласны ли вы, Мирослава Мироновна, взять в законные мужья Алексея Петровича?

— Согласна.

Все истории о любви заканчиваются свадьбой.

Моя же ею только началась.

Смешно, но поглазеть на то, как мы обмениваемся кольцами, пришли предыдущие жены Алеши.

Он дружил с ними, представляете?

К бывшим женам прилагались их текущие бойфренды, а также дети, братья и сестры — семья у моего мужа была многочисленная. Я немедленно утонула в ней — в надушен-

ных объятиях, кольцах, которые цеплялись за волосы, щебетании, поздравлениях, цветах и улыбках.

Со стороны невесты присутствовала, собственно, только невеста, но зато какая! Уж я постаралась придать себе как можно более заметный вид: вычурное белое платье облегло меня как перчатка, отчего приходилось семенить на огромных каблуках. Футуристически объемный волан на одном плече угрожающе топорщился. Короткая пышная вуаль цеплялась набекрень, и в ней было столько стекляруса, что голова невольно клонилась набок.

Мордовские корни наградили меня смуглой кожей и черными волосами. О, я была эпатажной и эффектной невестой, вертявкой куклой, которую передавали из рук в руки для очередного «совет да любовь». И это еще крики «горько» не начались!

Вам случалось когда-нибудь перестать понимать, кто вы, где и зачем?

Потеряться во времени и пространстве, утратить всякое представление о реальности, о себе и о людях вокруг?

И внезапно в этом потоке уютного бессознательного натолкнуться на неожиданное препятствие.

Из-за человека, который оказался передо мной, у меня случился стихийный приступ косоглазия. Он был двойственным, и от этого взгляд сам собой расфокусировался.

Бабушка говорила, что начинка и тесто редко совпадают. Люди говорят так, а думают сям. Двуличные, словом, твари, за то и любить их надобно с опаской да потихонечку, не со всей малахольности.

Лучше я вам опишу этого скользкого типа. Представьте внешность рассеянного интеллигента с богемной небрежной небритостью. Облачите его в классический, чуть мешковатый костюм, мягким движением кисти добавьте добродушное выражение лица. А потом приплюсуйте этому

слегка потертому плюшу острые лезвия, спрятанные за мягкими ворсинками.

Тут к гадалке не ходи (ха, чего ходить-то, если я и онлайн-приемы веду): мерзавец явно задумал что-то недоброе, иначе с чего бы ему устраивать этакую клоунаду.

Я моргнула, сверх всякой меры раздраженная чужим коварством. И не лень ведь людям притворяться — по мне, так весьма утомительное занятие.

Может, он шпион? Или мошенник? Или супермен?

Улыбка, намертво приколоченная к моему лицу, поползла вниз. Дежурное «спасибо» застряло на губах. Голова закружилась.

Бабушка учила слушать себя, не отмахиваться от странных ощущений. И сейчас руки буквально онемели от желания достать колоду и со всей тщательностью изучить этого двойственного типа.

— Кто вы? — будто со стороны услышала я свой тревожный и требовательный голос.

Он настолько не подходил к свадебной суматохе, что вокруг немедленно стало тихо, на нас оглядывались.

— Я? — Двойственный тип улыбнулся с приветливостью настолько фальшивой, что меня передернуло. — Как это называется? Пожалуй, я ваш деверь.

— Кто? — Я моргнула длинными накладными ресницами, пытаюсь осмыслить степень нашего родства.

— Младший братишка мой, Тоха, — в Алешином голосе послышалось страдание, будто у него зуб прихватило.

Младший.

Тоха.

Ага.

Я понимающе кивнула, мигом припомнив огромную пропасть моральных противоречий, которая лежала между братьями.

Алеша был артистом, служил в драматическом театре, где долгие годы продвигался в амплу героя-любownika.

Нежная душа, одним словом, трепетный разум, романтический темперамент.

А Антон...

А Антон, простите, был у нас гробовщиком.

Владельцем ритуального агентства на самом деле, но Алеша всегда презрительно говорил «гробовщик» и при этом морщился, оттопыривал нижнюю губу, закатывал глаза и всячески терзался униженностью такого родства.

Особый драматизм этим отношениям придавал тот неловкий факт, что Антон был очень хорошо обеспечен, а Алеша... ну, не очень. И приходилось старшему брату время от времени припадать к кубышке младшего, наполненной ужасными гробовыми деньгами.

Прижавшись щекой к рубашке свежезарегистрированного мужа, я вдыхала густой запах его туалетной воды и из-под ресниц следила за его младшим братом — он продолжал меня беспокоить.

Как песок в туфлях, как слишком тесная юбка, как ресничка в глазу...

Это значило, что мне срочно нужно было кое с кем посоветоваться.

Если невеста на собственной свадьбе запирается в туалете, фантазии на этот счет могут быть самыми разными. Мне, например, сразу представляется бедолага в пышной фате, пытающаяся впихнуть себя в окно, чтобы потом сбежать с сексуальным мотоциклистом.

Поэтому я принялась отступать к выходу, туда, где на парковке ждала нас вереница украшенных лентами автомобилей.

Как может невеста незаметно исчезнуть в разгар поздравлений, спросите вы?

Когда на сцену выходила Римма Викторовна, незаметно мог исчезнуть даже грузовик. Армия слонов могла наступать с трубным ревом, а восторженная публика продолжала бы восхищенно взирать лишь на Римму Викторовну, и только на нее.

Она, разумеется, опоздала и теперь приближалась к нам со скромным величием богини, спустившейся с небес.

Первая жена моего мужа родилась примой. Она блистала на сцене уже тридцать лет, она блистала и в жизни. Окажись Римма Викторовна на дне океана, блистала бы и там. Она казалась сотканной из цветов и аплодисментов, и сердца всех вокруг начинали биться в такт цокоту ее каблучков.

— Ненавижу, — прошелестел почти беззвучный шепот.

Оглянувшись, я увидела двух последующих Алешиных жен с совершенно одинаковыми напряженными взглядами. Ну вы знаете этот взгляд, таким смотрят мыши на сытых кошек. В нем читалась надежда, что в этот раз хищник пройдет мимо.

Кто из них шелестел ненавистью, я не разобрала, но подозревала, что могли обе. В унисон, так сказать.

— Алешенька, — торжественно-громогласно воскликнула Римма Викторовна, и я принялась отступать назад.

Муж мой слабо трепыхнулся, вытянулся в струнку и замер, не моргая.

За богиней следовали два красивых пажа, которые едва не сгибались под тяжестью корзины цветов.

Я сделала еще шаг к служебному выходу, немного запуталась в пыльной портъере, скользкий сверкающий мрамор под ногами сменился потертым ковролином, а простор зала — узким коридором.

— Милая моя! — Уборщица в синем халате посторонилась, пропуская меня вниз, ее метелка вскинулась, отдавая честь. — Вот кабы я сорок лет назад деру от своего Васьки дала, глядишь, и состоялась бы как личность!

Хохотнув, я отсалютовала ей в ответ и выскочила в духоту июньского дня. Толчея и многолюдность остались у центрального входа, а у черного пели птички и буйствовало сирень. Утопая шпильками в траве, я добралась до косячком скамейки в густой тени и с трудом согнула себя в сидячее положение под хруст стекла.

У меня не было при себе ключей, мобильного, денег, карт или помады — все это просто не поместилось бы в крохотном клатче.

Зато у меня была миниатюрная колода Таро — та самая, которую мы всегда брали с собой в путешествия. На море мы ездили поездом, и бабушка всенепременно покупала два нижних места, и дребезжали стаканы в подстаканниках, и неторопливо плыли березы за окном, и пахло горячим железом, пылью и пирожками, и по вагону бегали какие-то дети, а мы читали Жюль Верна и мечтали о приключениях.

Колода была совсем потрепанной, и на месте проплешин бабушка пририсовывала что-то свое. Так, у Шута вместо собаки появилась кошка, а Повешенный болтался на лиане, а не веревке. Эту колоду я любила той грустной любовью, с которой всегда прикасаешься к утраченному прошлому.

Привычно уколотившись о глухую тоску, согрела карты ладонями и вспомнила плюшевого Антона с лезвиями под шкуркой.

Ну что, мил человек, давай посмотрим, отчего ты так меня царапаешь и беспокоишь.

Король мечей — ну, кто бы сомневался. Решительный, расчетливый и хладнокровный циник, ха. Скажите что-нибудь новое.

А дальше началась полная чертовщина.

Колесо фортуны — снова. Дьявол — снова.

Судьба и судьбоносная страсть.

Предсказания, приведшие меня к замужеству.

